

Жены-мироносицы: чудо обыкновенной любви

Моисеенков Александр

Третье воскресенье пасхального цикла названо в честь святых жен-мироносиц.

Этот праздник посвящен обычным женщинам – Христовым ученицам, неотступно следовавшим за своим Учителем и не оставившим Его даже в те минуты, когда большинство апостолов попросту разбежались. И событие, воспоминаемое в этот день, тоже, на первый взгляд, самое обыденное – не успев совершить погребальный обряд

над умершим Спасителем из-за приближавшейся субботы, женщины на третьи сутки после Его крестной смерти поспешили к гробу. С собою они несли миро – дорогое пахучее масло – и шли к могиле помазать тело Иисуса.

Верили ли они в то, что снова увидят Господа живым? Вряд ли. Как и для остальных учеников, арест, распятие и смерть Иисуса были для них своеобразным финалом – с казнью Христа эти хрупкие женщины утратили значительный смысл дальнейшего ►

существования. Конечно, они продолжали жить ради своих семей, но жить так, как раньше, полноценно, каждый день общаясь с Учителем, уже было невозможно. И все же любовь – безусловная и безграничная – подняла мирноносца среди ночи и заставила бежать к месту погребения Христа. Сердце словно говорило им: «Спешите, и вы увидите то, что радикально изменит вашу жизнь, сделает ее более осмысленной и глубокой, чем ранее - в минуты наибольшей радости».

Огромная чистая вера святых женщин была вознаграждена. Когда они приблизились к могиле, только лишь тут вспомнив, что вход в погребальную камеру завален тяжелым камнем, то увидели, что пещера открыта. Едва преодолевая охватившее их оцепенение, они заглянули вовнутрь и встретили ангела, который говорил им, что Тот, Кого ищут мирноносицы, воскрес и ждет их в Галилее. Скорее всего, другой на месте этих женщин смутился бы, решив, что все виденное им – галлюцинации и плод воспаленного воображения. Но ученицы Христовы поверили сразу и безо всякого сомнения – получив благую весть, они бросились обратно в город, к апостолам, которые сидели в доме и там переживали обрушившееся на них горе. Еще больше вера женщин укрепилась, когда на обратной дороге они увидели Самого воскресшего Господа.

У гроба осталась лишь Мария

Магдалина, которая либо пришла не со всеми, либо просто решила побыть наедине, чтобы лучше понять случившееся. Она еще не до конца осознала величие этого момента, и когда перед ней появился человек, подумала, что перед ней садовник, и стала спрашивать у него, куда исчезло тело Учителя. Но садовник назвал ее по имени, причем сделал это так, как делал только один Человек на земле. Перед ней стоял Сам Христос – живой, воскресший, реальный! Радости женщины не было предела – она своими глазами видела Того, Кого еще пару дней назад безутешно оплакивала вместе с другими ученицами.

Потом Господь явился остальным – апостолам, ученикам, другим Своим спутникам, которые все три года Его проповеди были с Ним. Но первым радостную новость о Воскресении Спасителя узнали именно они, мирноносицы – женщины, которые не побоялись ни преследования старейшин, ни возможной грубости римской охраны, которая до момента явления ангела стерегла гроб Спасителя, ни других опасностей, подстерегающих человека ночью. Ученицами двигала любовь – та самая любовь, которой их учил Господь, и которая не ведает никаких преград – даже смерти.

www.foma.ru

Евангельское чтение

Приход жен-мироносиц ко Гробу и явление им Ангела (Мк. 15:43 – 16:8)

Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер?

И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба. Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали.

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?

И, взглянув, видят, что

камень отвален; а он был весьма велик. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись.

Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам.

И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Сегодня мы празднуем как бы праздник верности. У Креста Господня стояла Божия Мать и апостол Иоанн; все другие ученики бежали. Но поодаль от Креста стояли жены-мироносицы, те, которые следовали за Ним в течение всего Его служения. И когда умер Господь, два человека, при жизни Его не смевшие заявить, что они Его ученики, нашли в себе мужество, которого тогда не имели апостолы, пошли к Пилату просить тело Иисуса, и похоронили Его. Это были Иосиф Аримафейский и Никодим, который тайно к Нему ночью приходил.

И вот, в это второе воскресенье после Пасхи мы празднуем их память, – память тех, которые были верны в самые страшные минуты, когда все испугались и отошли. Слава им не только в вечности, но и на земле, слава им! Какой пример они нам дают! Вера заключается в доверии, да, – но не только в отрешенном, отвлеченном доверии: она заключается в верности до конца, в верности сердца, в верности, которая из глубины этого сердечного опыта находит в себе

мужество пойти на все, но не изменить.

Пусть они служат нам примером. Кто был в малом верен, над многим будет поставлен Спасителем Господом. С нас не требуется та страшная верность, которую они проявили. Иосиф Аримафейский и Никодим потеряли все, что они по-человечески ценили: уважение тех, чье мнение им было дорого, и чья поддержка ставила их вне опасности; жены-мироносицы ни с чем не посчитались по верности сердечной любви. Нам постоянно дается возможность быть верными в малом – друг другу, Церкви, Христу: неужели мы окажемся, при нашей полной безопасности, неспособными быть так же верными, как они, хотя они рисковали жизнью, честью, всем? Как дивно думать, что подобные нам люди, хрупкие женщины и пожилые люди, проявили такую верность, и что каждому из нас в них есть и пример, и молитвенник, и поддержка, благодаря которой все и нам возможно!

www.mitras.ru

Храм Илии Пророка в годы войны и в день Победы

О церковной жизни Москвы в годы Великой Отечественной войны вспоминает Федор Кондратьев, доктор медицинских наук, профессор, судебный эксперт высшей квалификации:

– Я прихожанин храма Илии Пророка (что в Москве в Обыденском переулке)

ЦЕРКОВЬ ИЛИИ ПРОРОКА (ОБЫДЕННАЯ)
ВИД С ОСТОРОЖИЯ

ке) еще с довоенных лет. Помню панику в церкви перед войной, когда подошло время его сносить. Дело в том, что храм располагался недалеко от строящегося на месте ранее взорванного храма Христа Спасителя Дворца Советов – символа победившего коммунизма.

Уже был возведен огромной высоты стальной каркас этого дворца, и к окончанию стройки по определению не могло быть рядом православного храма. Казалось все predetermined – святыня будет уничтожена...

Но на все воля Божия. Началась война, стройка символа победившего коммунизма прекратилась, и стальной каркас дворца начали разбирать – был нужен металл для нужд обороны Москвы. Храм покрыли светомаскировкой, и он сохранился. Это тоже чудо: вокруг храма, там, где теперь большой сквер и новые дома, все было уничтожено немецкими бомбами. Конечно, фашисты метили не в храм, а в Кремль, который совсем рядом, но промахивались, и к окончанию войны вокруг церкви стояли пустые огрызки прежних жилых домов. А в храм все больше стало приходиться молящихся, в том числе и в военной форме.

Знаменательное событие для храма Илии Пророка произошло 15 июня 1944 года. По распоряжению Патриарха сюда из храма Воскресения в Сокольниках (в котором много лет хозяйничали обновленцы) была перенесена почитаемая как чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость». С тех пор настоятель храма Илии Пророка протоиерей Александр Толгский постоянно служил молебны перед этой иконой.

Прошло почти 70 лет, но я абсолютно явственно вижу те чудесные преобразования, которые были у иконы «Нечаянная Радость»: к ней (точнее, не к ней, иконе, а к Самой Деве Марии) подходили в слезах матери и жены воинов Отечественной Войны, и, приложившись к святыне, отходили, озаренные надеждой и уверенностью в получении нечаянной радости.

В День Победы в храме, наверное, было больше военных, чем обычных прихожан. Я не видел разве что генералов, но пришли полковники, майоры и, конечно, масса рядовых и сержантов, все с орденами и медалями, а многие с бирочками на груди, свидетельствующими о полученных на фронте ранениях.

После благодарственного молебна многие сразу пошли на Красную Площадь. Там, наверное, было так же многолюдно, как в храме. Крики «Ура», «Мы победили», военных подхватывали и подбрасывали вверх, а потом обнимали и расцеловывали. А какой был восторг, когда начался салют!

Мы, москвичи, к концу войны уже стали привыкать к салютам, их бывало по несколько за один вечер... Но такого салюта, как в тот день, я больше нигде и никогда не видел: по кругу, наверное, над Садовым кольцом, летали тихоходные самолеты (их видно не было - уже стемнело), и из них почти непрерывно стреляли разноцветными ракетами, в небе над всеми нами создавался огромный, фантастически живой купол... и снова крики «Ура», «С Победой», объятия и поцелуи.

Конечно, я много раз в разных кинофильмах видел сцены ликования на Красной Площади в День

Победы, но мне кажется, что ни одному режиссеру не удалось воссоздать тот дух национальной гордости, который тогда испытывали победители вместе со своим народом. Я этой мыслью поделился со своим братом, фронтовиком, военным писателем Вячеславом Кондратьевым, и он мне сказал, что такое глубинное духовное переживание не может быть во всей полноте репродуцировано никаким искусством.

И те случаи духовного преобразования у иконы «Нечаянная Радость» в храме Илии Пророка, которые я сейчас вспоминаю, тоже не могут быть сыграны даже самыми великими артистами.

www.pravmir.ru

Логика гордыни

Священник Сергей Круглов

Смертельная неудача, гибель, захлебывание во грехе, крушение надежд и иллюзий, предел страдания, позор, полная немощь – они нередко становятся той почвой, на которой вырастает чудо: гордыня, этот «великий немой», отчаивается наконец сама в себе и начинает кричать.

Невероятно, но ад таки существует. Мы сами его строим для себя и в себе, своей испорченной волей, своими греховными страстями – у меня, по крайней мере, это точно так. Про себя я доподлинно знаю: я в аду, одной ногой – точно. В аду, устраиваемом мною самим...

Мне как-то возразили на это: но ведь Бог все управит во благо и из всякой нашей грязи, как говорится, сделает конфетку! Не из всякой, уточнил я. По моим наблюдениям, только из той, к которой я Его допущу. А если недопущу?

Насиловать мою волю Он не станет. Я вспоминаю то место из диалогов Бродского с Волковым, где Бродский говорил о своей вере, говорил скупой, выстраданный и взвешенно. И говорил примерно так: я не верю в такого Бога, который меня простил в то время, как я сам себя не прощаю... Вот – логика, ведущая в ад, в муку. И что ты с ней поделаешь?

Это – логика гордыни. Я ее по себе хорошо знаю: при гордыне ты хоть тыщу добрых дел на дню делай, все без толку для тебя самого... Весь мир, по слову Евангелия, может и приобрести, а душе своей что?..

Мне, например, друзья иногда говорят: что ты маешься такими

вопросами и сомнениями! Ты же вон священник, служишь, помогаешь людям, утешаешь, ко Христу направляешь. В самом, так сказать, богоспасаемом центре мира находишься – в Церкви... Ты еще и поэт, стихи вон какие пишешь, многим нравится, во многих от твоих стихов душа пробуждается к жизни... Да-да, говорю я.

Но МНЕ-ТО от этого не легче... Механизмы гордыни все это превращают в сущую труху. Раньше все эти мои «добрые дела» были подпиткой для моего тщеславия, поводом втайне полюбоваться собой – а сейчас и этого нет, последний угар иллюзий куда-то с возрастом повыветрился, одна пустота той гордынной логики, которая в ад ведет...

Сделал я кому-то там нечто благое, по должности священника или просто потому, что так вышло – ну им и благо. А мне-то не легче...

Я не хочу погибать. Очень не хочу. И, чем больше делаю попыток спастись, раз за разом снова срываясь на дно, сдирая в кровь локти и колени, оказываясь снова по горло в жидкой зловонной грязи, тем все более отчетливо понимаю: самому – никак.

Нужен тот, кто спасет. Нужно чудо – то, про что нельзя говорить «нужно», на что можно надеяться, но нельзя рассчитывать. Потому что Спаситель спасает – даром. Ни за что.

Вера в это «даром» во мне исчезающе слаба – просто потому, что мы вообще во многом не знаем Бога таким, каков Он есть, а проецируем на Него свое собственное устройство. Я сам не умею любить бескорыстно – и не верю, что могут полюбить бескорыстно и меня.

Моя яма – та яма, о которой говорил Достоевский: надо человеку сперва скатиться на самое дно, чтобы, в отчаянии от него оттолкнувшись, хоть как-то начать подниматься наверх.

И в этом смысле (не сочтите мои слова ересью, я просто пытаюсь выразить словами то, что чувствую, и знаю, что чувствую не только я, есть и другие, кто поймет, о чем речь): умирание на дне ямы в полном бессилии для меня – совершенно особое, невероятное благо.

Благо, которого не пожелаешь другому, очень уж оно тяжело. Смертельная неудача, гибель, захлебывание во грехе, крушение надежд и иллюзий, предел страдания, позор, полная немощь – они нередко становятся той почвой, на которой вырастает чудо: гордыня, этот «великий немой», отчаивается наконец сама в себе и начинает кричать.

Звать на помощь. Трясти решетку камеры своей самости и звать наружу, наконец-то – вовне: помогите! Ей кажется, что она кричит в пустоту – но на этот крик всегда отзывается Тот, Кто спасает даром. Непредсказуемо, нежданно.

Пока зовешь Спасителя, а сам внутри себя не очень-то в Нем и нуждаешься (в положенной молитве, заемными словами, например) – ничего не произойдет. Бог

смотрит сквозь слова в сердце. И вот пока там, в сердце, не захлебнется и не утонет в грязи последняя иллюзия самости, пока поистине не начнешь умирать, задыхаясь, пока адские, багровые и тошно-зеленые круги не поплывут перед глазами – помощь не сможет к тебе подобраться. Только тогда, когда обессилеешь вконец, и тебя наконец оставят силы, которыми ты отбивался от спасающих тебя рук. Не утверждаю, что у всех неизменно так – люди ведь потрясающе разнообразны при всей их одинаковости, но говорю о том, что знаю по себе и по некоторым встреченным мною людям...

Явление Спасителя, спасающего даром – чудо. А второе чудо – вот этот человеческий смертный зов. Откуда он берется в человеке, когда грехи, страдания, смерть завалили его грязью наглухо, и самость, казалось бы, окончательно вогнала осиновый кол в его могилу?

Откуда – не силы даже, но само желание позвать, откуда безумная надежда, что будешь услышан? Для многих из маститых православных, начитанных в святоотеческой литературе, все это, может быть, банальности, но для меня это – тайна.

Первое – тайна Бога, второе – тайна человека, воистину дивно устроенного. И обе эти тайны – две части тайны любви.

*Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru*

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru